

СТРАНИЦА АСПИРАНТА

УДК 94(47)+111-055.52+396.1
DOI 10.26456/vthistory/2026.3.170

Эмоциональное проживание повседневности британки на Ближнем Востоке: опыт Гертруды Белл ¹

Д.С. Спиридонова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

В статье анализируются эго-документы (письма и дневники) британской путешественницы, археолога и администратора Гертруды Белл (1868–1926 гг.), созданные ею во время деятельности на Ближнем Востоке, в которых были отражены её субъективные впечатления от региона и личные переживания, полученные от опыта регулярного проживания в нем. При помощи подхода имагологии делается вывод о её восприятии ближневосточных стран и обычаев, на которое повлияли её образование и опыт путешествий, а также её социализация в качестве женщины британского аристократического круга. Ментальное существование одновременно в категориях «востока» и «запада» находило своё отражение в её повседневности, о чём она писала своим корреспондентам, рефлексировав собственный опыт и эмоциональные переживания в эпистолярной деятельности.

Ключевые слова: история повседневности, женская история, эго-документы, социальная антропология, Ближний Восток, Иран, Гертруда Белл, XX век, колониализм, имагология.

Социальные обязательства, наложенные на женщин существовавшими на протяжении истории гендерными рамками, неизбежно ограничивали их жизненный и социальный опыт. Ограничение перемещения в пространстве вело к сужению полей потенциальной повседневной женской деятельности, сводя её до семейной жизни и домашнего труда. В среде британского высшего общества рубежа XIX–XX вв. единственная социально приемлемая женская роль была роль жены и матери семейства. Викторианская мораль подразумевала полнейшее отсутствие у женщины амбиций и стремлений к самореализации в какой-либо другой социальной роли, а круг её интересов ограничивался домашним очагом.

Изучение внутренних механизмов разрушения ограничений и бегства от ожиданий социума, применённое одной из женщин указанного круга, является целью данной статьи.

¹ Научный руководитель – д-р ист. наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории Тверского государственного университета А.В. Белова.

Поле изучаемой деятельности представляет собой ментальное женское пространство, отражённое в документах, созданных ею самой. В данном пространстве неизбежны столкновения прививаемой в семье и обществе викторианской морали и собственных амбиций и стремлений, а также стереотипов о «Другом», когда дело касается путешествий и проживания на Ближнем Востоке – регионе, чуждым Британии.

Историография изучения данного поля включает в себя узкоспециализированные работы историков-антропологов, изучавших женскую ментальность и повседневность в условиях ограниченности патриархальными нормами. А.В. Белова раскрывает понятийный аппарат и методологические основы изучения женской повседневности². Автор уделяет внимание источниковедческому аспекту изучения быта русских дворянок, но используемый ею методологический и понятийный компонент может быть расширен для изучения женщин привилегированных сословий других стран и другого культурного контекста. В процессе исследования восприятия Ближнего Востока в глазах британки необходимую базу составляет монография Е.В. Тихоновой³, в которой дана характеристика этно-конфессиональных общин Ирака (где преимущественно Гертруда Белл вела свою деятельность). Правда, данная работа представляет собой комплексный анализ по политическим и социальным сферам государственной жизни и не включает имагологический и гендерный аспекты.

Колоссальную роль в исследованиях отношений Британии и Ирака в указанный период сыграла монография Э. Саида «Ориентализм»⁴, положившая начало целому направлению в изучении и отношении к явлению колониализма. В постколониальном дискурсе деятельность европейских государств на Ближнем Востоке оценивалась исключительно негативно. Э. Саид, автор концепции ориентализма как символа власти Запада над Востоком, критиковал деятельность Г. Белл, обличая её «империалистические мотивы». Но источники личного происхождения рисуют перед исследователями другую картину, далекую от сложившегося образа «британского империализма» и исключительно потребительских мотивов его деятелей. В них отражается бегство амбициозной женщины от условностей западной культуры, нашедшей пространство ментальной свободы и личностной самореализации на Ближнем Востоке.

Самой яркой формой протеста против угнетающих застывших норм являлось путешествие как побег, и не только территориальный, но и ментальный, освобождающий от довлеющих социальных ролей британского общества. Гертруда Белл, воспитывавшаяся в весьма либеральной (по меркам современников) семье, тем не менее ощущала эту потребность. (Особенности её биографии нами уже рассматривались, см.: *Спиридонова Д.С.*

² Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // *Этнографическое обозрение*. 2006. № 4. С. 85–97.

³ Тихонова Е.В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата. М, 2007.

⁴ Said E. *Orientalism*. New York, 1978.

Феномен личности Гертруды Белл, создательницы государства Ирак // Путь в науку: материалы международной научной конференции молодых учёных исторического факультета ТвГУ. Тверь, 2023; *Спиридонова Д.С.* Гертруда Белл и Лоуренс Аравийский: особенности восприятия и отображения женской и мужской биографии // Семейное, женское, повседневное в историко-антропологическом измерении: материалы XVI международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН. М., 2023.)

Увлечённость Гертруды Белл Ближним Востоком прослеживается в эго-документах с момента её первого путешествия в Тегеран в 1892 г. Тогда же она начинает искать учителя для изучения персидского языка. Благодаря знанию местных языков она смогла плотно сотрудничать с местным населением и проникнуться ближневосточной культурой. Она сама отмечала преимущество, которое даёт свободное владение языком в части познания менталитета его носителей, что интересовало ее сильнее всего⁵. Это станет одной из причин глубокого понимания Белл арабской культуры и основой тесных связей с местными жителями.

Ближний Восток был для неё привлекательным, но нельзя не отметить некоторую романтизацию её представлений и постоянную рефлекссию на тему исторических процессов, происходящих в нём на протяжении тысячелетий. В своих письмах она отмечает: «Я вскочила в 6 часов и целый час гуляла по берегу Евфрата под пальмами и ивами, разговаривала с крестьянами, которые водили своих волов вверх и вниз по длинным склонам подъемников, слышала месопотамского соловья и вспомнила, что это были те же виды и звуки, что и у Навуходносора и даже Хаммурапи. Интересно, утешала ли их и поддерживала ли их вечная красота земли и простая деревенская жизнь в полях и реках, которая зарождается, умирает и снова возникает, не оставляя следов и никогда не меняясь⁶». В приведённой цитате видно, какой ценностью она наделяет устойчивость данной культуры и её неизменность на протяжении веков, которая кажется Г. Белл привлекательной. Также отмечается её интерес к жизни простых крестьян, их незамысловатому повседневному быту и желание его узнать через коммуникацию с местными жителями. Месопотамия с её древними памятниками и следами библейской истории не могла не заинтересовать Белл. В своих письмах она часто проводит параллели с людьми, населяющими эту территорию в прошлом, причём как с известными правителями, так и с простыми крестьянами. Консерватизм восточной культуры выделяются ею как тенденции исторического пути Ирака и других ближневосточных стран, и «запад» как ци-

⁵ *Bell G.* Syria: The Desert & The Sown / E.P. Dutton and company: New York, 1907. P. 9.

⁶ Letter from Gertrude Bell to her father Hugh Bell 18 April 1918 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-14-9> (date of application: 20.12.2025).

визация с активными изменениями и постоянным внедрением технологических новшеств воспринимаются ею скорее как исключение из общечеловеческого опыта⁷.

В центре её внимания всегда находились не только археологические памятники, но и народы, населяющие данные территории. Но более глубокое погружение в жизнь племени было невозможно для неё по ряду причин. В ней видели всегда в первую очередь подданную Британской империи. В условиях усиления центробежных сил в Османской империи накануне Первой мировой войны многие арабские лидеры стремились заручиться поддержкой ведущих европейских держав для своих целей. Знакомство с дочерью богатого члена британского парламента было выгодно и могло способствовать установлению контакта с другими представителями власти Британской империи. По этой причине эмиры и шейхи, которых встречала Г. Белл, были зачастую доброжелательны к ней и охотно вступали в коммуникацию, что позволило ей завести среди арабской элиты много знакомств, которые будут полезны ей в дальнейшем. Она писала: «... и ещё через два дня мы прибыли к великому шейху всех этих восточных Аназе, и я остановилась у его палаток и попросила его гостеприимства. Он относился ко мне с отеческой добротой, кормил меня, развлекал и посоветовал мне взять второго рафика...⁸». При этом, очевидно, этих мужчин, представителей местной власти в регионе, не смущал тот факт, что Г. Белл – женщина. Согласно мусульманским представлениям, не следовало вступать с ней в тесную коммуникацию, не говоря уже о том, что её внешний вид был неприемлем (Г. Белл никогда не носила принятые в регионе женские закрытые одеяния). Тем не менее её национальная идентичность становилась первичнее гендерной, что позволяло ей входить в «мужские» пространства и взаимодействовать с мужским коллективом. «И я слушала рассказы и песни пустыни, о подвигах Аудеха, одного из самых известных налетчиков наших дней, и романтических приключениях принцев Неджда. Мухаммед сидел рядом со мной на ковриках, расстеленных на чистом мягком песке, его огромная фигура была закутана в плащ из овчины, и иногда он попыхивал своей наргиле и слушал разговор, а иногда присоединялся к нему⁹». Таким образом, в силу обстоятельств Г. Белл смогла преодолеть этот гендерный барьер.

На первый взгляд может показаться, что, вопреки своим интересам ко всем аспектам жизни народов Ближнего Востока, Белл не интересовалась женским опытом. В её письмах в основном встречаются имена мужчин и мужские фигуры, с кем она взаимодействовала. Но о своих редких возможностях взаимодействия с местными женщинами она всегда рассказывает

⁷ Bell G. Safar Nameh, Persian Pictures / Richard Bentley and son: London, 1894. P. 262.

⁸ Letter from Gertrude Bell to her stepmother Florence Bell 23 April 1914 – 2 May 1914 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-1-1-23-4> (date of application: 20.12.2025).

⁹ Letter from Gertrude Bell to her stepmother Florence Bell 4 February 1914 – 29 March 1914 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-1-1-23-3> (date of application: 20.12.2025).

очень подробно, в письмах пересказывая такие эпизоды, что свидетельствует о её заинтересованности. Она писала: «Вчера я нанесла продолжительный визит жене Вали, чрезвычайно интересной женщине. Она родилась и выросла в Египте – её родители были турками – и говорит по-английски почти как англичанка. Она много читает, очень умна и проницательный политик. Мы говорили здесь о двух войнах на Балканах и о женщинах-мусульманках – она говорит, что последние похожи на женщин-мусульманок в зарубежных романах, они ничего не делают, даже необычной работы – и это было довольно увлекательно. Она единственная женщина в своем роде, которую я встречала»¹⁰.

После получения официальной должности в подмандатном правительстве Ирака Г. Белл не оставляет попыток сблизиться с местными женщинами. «К счастью, моя первая вечеринка во вторник состоялась накануне – думаю, вечеринку на следующей неделе придется отложить, потому что в моем саду будет слишком грязно. У меня было около 50 дам, в основном мусульманок – они сейчас собираются, и я со временем всех их приведу. Мы пили чай в саду и очень весело разговаривали почти 2 часа»¹¹, – так она пишет о проводимых ею встречах, которые тем не менее не приведут к установлению у неё более тесных контактов с мусульманками, т. к. упоминания о них останутся редки. Кроме того, очевидно, что её вечеринки посещали лишь жительницы Багдада, наиболее либеральные и прогрессивные во взглядах.

Данный опыт во многом уникален, поскольку на примере других известных путешественниц (Мэри Монтегю, Мэри Кингсли, Александрины Тинне, Кристины Бельджойозо и др.) можно выявить тенденцию, что женщины свободно допускаются во внутренние, «женские» пространства, и могут подробнее узнать о закрытой частной жизни народов «экзотических» для европейцев стран. Тем не менее Г. Белл так и не смогла войти в «женское» пространство Ближнего Востока по причине того, что вращалась в «мужском». Преодоленный ею гендерный барьер в отношении активных социальных взаимодействий в общественной жизни привел к тому, что доступ в частную был для нее закрыт. Так, например, она описала одну из деловых встреч: «Президент Сингапура очень строг и довольно косо смотрел на нас с капелланом, когда мы веселились за обедом за кружкой пива и содовой водой, но, когда я заявила, что мне нужна сигарета, и послала за ней знакомого араба, он расслабился и тоже закурил»¹².

¹⁰ Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 29 November 1913 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-10-10> (date of application: 20.12.2025).

¹¹ Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 6 December 1918 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-14-28> (date of application: 20.12.2025).

¹² Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 28 November 1918 / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-14-27> (date of application: 20.12.2025).

В своих путешествиях Белл не раз демонстрировала рискованное поведение, и даже местные мужчины опасались ее смелых планов: «Трое мужчин, которых я привезла из Дамаска, были очень неуверенны, пойдут ли они со мной. Я думаю, они действительно боялись опасностей дороги»¹³. Во время одного из таких задержаний она описывает, как проводила время: «Мы провели день не без удовольствия, сплетничая с солдатами, чиня сломанный шест для палатки, а также во время очень долгих периодов сплетен в палатке Фаттуха, то один, то другой участник экспедиции заглядывал, чтобы принять участие в разговоре. И я занята разработкой новых планов, потому что я еще не побеждена. Но я полагаю, что эта дорога закрыта, и мне, вероятно, придется отправиться в Дамаск и начать все сначала через Пальмиру»¹⁴. Далее она охарактеризует этот случай так: «Все это довольно комично; Мне все равно. Это смешной эпизод в приключении, но я не думаю, что приключение закончилось; просто оно должно принять другой оборот»¹⁵. Отчасти, это связано с её личными качествами характера. Кроме того, подобная авантюрная жизнь полностью отвечала ее личным вкусам, что также способствовало её стремлению снова и снова отправляться на Ближний Восток, где вся её жизнь словно превращалась в приключенческий роман.

Для женщин викторианского воспитания активные путешествия и подобный образ жизни были неприличными, как и постоянное проживание в палатках с мужчинами. Пустыня была в каком-то смысле пространством её свободы от светских условностей и гендерных ограничений. Гертруда была настолько привязана к данному региону, что называла его «вторым домом» и писала, что, если бы её семья не оставалась в Британии, она бы никогда его не покидала¹⁶.

После окончания Первой мировой войны та деятельность, которой она занималась на своем посту, позволяла ей чувствовать свою значимость как личности. Принимая участие в административном управлении страны, она чувствовала психологический комфорт от признания её компетенции и заслуг, ведь как женщине ей часто нужно было доказывать это. Возможность быть свободной и принимать значимые решения, продвигать свои идеи – вот чем был Ближний Восток для Гертруды Белл. Представление об Ираке как о своем «доме» давало Белл психологический комфорт и позволяло, пользуясь своими знаниями языков и обычаев, длительно проживать в нём.

¹³ Letter from Gertrude Bell to her father, Sir Hugh Bell 19 January 1914 – 27 January, 1914 / A collection of Gertrude's letters / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-2-1-10-11> (date of application: 20.12.2025).

¹⁴ Letter from Gertrude Bell to her stepmother, Dame Florence Bell 9 January 1914 – 11 January, 1914 / A collection of Gertrude's letters / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-1-1-1-23-1> (date of application: 20.12.2025).

¹⁵ Там же.

¹⁶ Letter from Gertrude Bell to W.M. Ramsay 7 February 1918 / A collection of Gertrude's letters / Gertrude Bell Archive // Newcastle University. URL: <https://gertrudebell.ncl.ac.uk/l/gb-1-3-2-7> (date of application: 20.12.2025).

Проживание своей повседневности на Ближнем Востоке для Гертруды Белл как для женщины из британского высшего общества было нонконформистским. Однако стечение обстоятельств, а также её личные качества, позволили ей самостоятельно выбрать сферу своей деятельности. Отбросив политические мотивы, можно увидеть также искреннее человеческое любопытство и желание увидеть своими глазами «Других», узнать больше об их жизни и обычаях, актуальное для обеих сторон – Гертруды Белл и её многочисленных знакомых с Ближнего Востока.

Список литературы:

1. Белова А.В. Женская повседневность как предмет истории повседневности // Этнографическое обозрение. 2006. № 4. С. 85–97.
2. Тихонова Е.В. Этноконфессиональные общины Ирака в годы британского мандата. М, 2007.

Об авторе:

СПИРИДОНОВА Дарья Сергеевна – аспирантка, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет, (Россия, Тверь, ул. Вокзальная, 10), e-mail: DariaSpiridonowa99@yandex.ru

Emotional Experience of Everyday Life of a British Woman in the Middle East: Gertrude Bell's Experience

D.S. Spiridonova

Tver State University, Tver, Russia

The article analyzes ego-documents by the British traveller, archaeologist and administrator Gertrude Bell (1868–1926), which she created during her work in the Middle East and which reflect her subjective impressions of the region and her personal experiences gained from living there regularly. Using the approach of imagology, the article draws conclusions about her perception of Middle Eastern countries and customs, which was influenced by her education and travel experience, as well as her socialization as a woman from the British aristocratic circle. The mental existence simultaneously within the categories of “East” and “West” was reflected in her everyday life, which she wrote about to her correspondents, reflecting on her experience and emotional experiences in her epistolary activity.

Keywords: *history of everyday life, women's history, self-documents, social anthropology, the Middle East, Iran, Gertrude Bell, the 20th century, colonialism, imagology.*

About the author:

SPIRIDONOVA Daria Sergeevna – postgraduate student, Tver State University, (Russia, Tver, Vokzalnaya Street, 10), e-mail: DariaSpiridonowa99@yandex.ru

References:

- Belova A.V. *Zhenskaya povsednevnost' kak predmet istorii povsednevnosti*, Etnograficheskoe obozrenie. 2006. № 4. S. 85–97.
Tihonova E.V., *Etnokonfessional'nye obshchiny Iraka v gody britanskogo mandata*. M, 2007.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.